„СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА"
г. МОСКВА

28 декабря 1973 г. № 104 (4696)

люди искусства

ОДНОЛЮБ

З. ВЛАДИМИРОВА

На моей памяти актерский дебют Горбачева был одним из самых приметных.

О победителе Всесоюзного смотра художественной самодеятельности 1951 года и говорили, и писали. И бегали смотреть привезенный в Москву спектакль Ленинградского университета «Ревизор» с И. Горбачевым в роли Хлестакова. Вскоре его пригласили в кино на ту же роль и в профессиональный театр, поначалу — в Ленинградский Большой драматический, куда бывший студент философского факультета ЛГУ, он же студент актерского отделения Института театра, музыки и кинематографии, Горбачев пришел, еще не имея диплома. А в 1954 году его окончательно «похитил» у БДТ Ленинградский академический театр драмы имени Пушкина.

Но так ли милостива была к нему судьба, как многим представляется? Да, студенческий Хлестаков открыл Игорю Олеговичу Горбачеву обширный «кредит» в театре, а счастливые сценические данные обеспечили занятость в репертуаре. Однако стоит вглядеться попристальнее в факты биографии артиста, и станет ясно, что все было не так просто.

Успех в Хлестакове не только помог Горбачеву на первых порах, но и парадоксальным образом затруднил процесс его творческого становления. Каждый шаг молодого артиста по сцене поверяли университетским «Ревизором» и, не испытывая равного потрясения, недоуменно пожимали плечами. Почти вся пресса тех лет была критической; что-то не клеилось, и хотя Горбачев уже многое сыграл, в том числе такие этапные для него роли, как арбузовский Ведерников («Годы странствий»), Бакланов во «Втором дыхании» А. Крона и в особенности Платов в «Друзьях и годах» Л. Зорина, о нем стали поговаривать как о неоправдавшем надежд.

А между тем иные из этих работ следовало бы оценить выше того юношеского успеха в «Ревизоре», ибо они были плодом сознательного конструирования, пытливого проникновения в суть, в то время как Хлестаков был все же тем безотчетным озарением, которое, по мысли Станиславского, однажды может посетить любого творчески восприимчивого человека.

— Вот, говорят, что у меня была оригинальная трактовка Хлестакова,— рассказывает об этом сам Горбачев.— А у меня, пожалуй, никакой трактовки и не было. Было безмерное счастье от пребывания на сцене, я наслаждался самим чудом творчества и наивно доверялся автору, который своим «Предуведомлением» обозначил, как надо играть Хлестакова. Однако, смею думать, что сценическая техника, для этой роли потребная, у меня уже в ту пору была. Ведь мне не сравнялось еще и восьми лет, как мама взяла меня за руку и отвела в Ленинградский дом художественного воспитания детей. А шестнадцать лет работы в самодеятельности что-нибудь да значат!

Вероятно, все так и было: Хлестаков Хлестаковым, но и остальное, что он сыграл тогда в театре, несправедливо сбрасывать со счетов. Его творческое развитие шло нормально: иное удавалось, иное — по молодости — нет, только он не умел еще (и это неумение обошлось ему дорого!) разнообразить своих героев внутренне. И многим казалось, что Горбачев повторяется, играет себя, не затрудняясь поиском индивидуального в человеке.

Охлаждение зала и некоторая необъективность прессы сделали свое дело: Горбачев замкнулся, стал творчески отмалчиваться, вокруг его имени установилась огорчительная тишина. И вдруг словно прорвало плотину: актер начал играть много, жадно, оказалось, что ему доступны и черты отдельного в общем, и специфика жанров, и все оттенки психологического письма. Кончилась пора накоплений и пришла пора отдавать накопленное. Если воспользоваться названиями пьес, которые стали вехами пути Горбачева в искусстве, можно сказать, что он пережил свои «годы странствий», взял «второе дыхание» к середине шестидесятых годов и вступил в «час пик» своей творческой жизни. Полученные им одно за другим — в 1968 и в 1972 годах — звания народного артиста РСФСР и СССР были лишь констатацией свершившегося скачка.

Сегодня Горбачев — один из известнейших актеров в стране, артист театра, кино, телевидения, радио, режиссер со стажем, опытный театральный педагог, председатель художественной коллегии Театра имени Пушкина.

В этой разносторонности есть свой фарватер, более того — своя узость: Горбачев все делает с отдачей и ненасытностью, ему свойственными, но всегда как театральный артист, как полпред этой профессии в смежных областях искусства.

Возьмем кино. За плечами у Горбачева более 25 фильмов, но еще и сегодня в нашем, 1973 году он помещает в журнале «Москва» статью под красноречивым названием «Радость моя — театр; боль моя — кино» и, делая некоторое исключение для Якушева (телефильм «Операция «Трест»), признается, что не выдерживает себя на экране более 7—10 минут.

— Как правило, мне артист Горбачев в фильмах не нравится. Мне хочется спросить у него: «Что же ты, брат?» Ибо сегодня я непременно сыграл бы не так, помножил известное мне об образе на мое нынешнее восприятие. В театре корректура готового образа идет непрерывно в зависимости от «наказа», который поступает из зала, от того, что происходит в мире, и от меня, живущего в нем. Кроме того, в кино актерам моей фактуры, как правило, поручают роли негодяев, а это не приносит мне радости.

Возьмем педагогику, а вместе с ней режиссуру. Много лет преподает он актерское мастерство в Институте театра, музыки и кинематографии, и сейчас на ленинградской сцене работают восемнадцать его учеников, а иные его постановки запомнились. Что его влечет к этим занятиям? Как он сам говорит, возможность вложить в какое-то другое существо, в душу студента или артиста свое представление о роли, которую он по тем или иным причинам никогда не сыграет. Значит, опять-таки это рвутся наружу нереализованные возможности актера Горбачева.

Товарищи по театру избрали сорокапятилетнего Горбачева председателем художественной коллегии. И опять-таки это доверие оказано ему из-за его всем известной преданности традициям этого театра, на знамени которого начертано: «Актер — превыше всего».

Вот почему мы вправе считать, что все дополнительные творческие профили Горбачева — суть отвлечения однолюба, обогащающие его актерскую палитру и помогающие ему быть верным себе, своей теме в искусстве.

Тема актера... Распознать ее — чаще всего проблема; редко встречается такая отчетливость тяготений и отталкиваний, «люблю» и «ненавижу», какой отмечено творчество Игоря Горбачева. Он находит себя в образах героя-современника, убежденно рассматривает хорошего человека как знамение времени и критерий искусства. И это главное дело его жизни по заслугам отмечено присуждением ему Государственной премии РСФСР имени К. Станиславского 1973 года.

Вряд ли найдется в наши дни другой актер, который столько делает для пропаганды человеческого типа, отмеченного чертами передового сознания, испытывающего упоение в бою за идеал. Список огромен, в нем десятки названий, кажется, что ни один значительный современный характер не проходит мимо внимания Горбачева. Он склонен брать однотипные роли, мириться с их несовершенством, лишь бы не упустить возможности духовно слиться с человеком созидания, раскрыть прекрасные качества его души. (Конечно, он играет всякие роли, в том числе классические, в том числе характерные, в том числе отрицательные; но доминанта безусловно здесь).

Пафос утверждения празднует в Горбачеве свою неоспоримую победу. Чем положительнее человек, тем ему, актеру, удобнее на сцене. Он не нуждается ни в каком «подсвете» недостатков и слабостей, чтобы выявить человеческую сложность героя. Он обнаруживает духовное богатство, многоцветность и яркость личности, находящейся в полном ладу с собой.

В пору, когда в Горбачеве еще сомневались, кто-то из критиков иронически назвал его мастером благополучных финалов.

Если в это вкладывать мысль о сглаживании жизненных противоречий, она неверна, ибо героям Горбачева бывает и дьявольски трудно, и печаль они испытывают, и горечь поражений им знакома. Но она верна и совсем не обидна для Горбачева, если подразумевать под его «благополучными финалами» общий оптимистический тонус творчества, веру в победу добра. «Коммунист не может не быть жизнелюбом» — эти слова большевика ленинской когорты Артема в одноименной пьесе А. Хазина Горбачев произносил с особенной убежденностью.

Рядом с профессиональным революционером Артемом выстраивается шеренга его младших современников, таких же, как он, рыцарей идеи, находящих себя в неотступном гражданском служении: воинственно-принципиальный Устименко в спектакле по роману Ю. Германа, одержимый градостроитель Платов в «Друзьях и годах» (по сей день любимый герой Горбачева), дальновидный, талантливый председатель колхоза Лепехин в пьесе Л. Моисеева «Иней на стогах». Это люди одной страсти, хотя, повторяю, неоднозначные, сложные.

Интересно, что Горбачев, чей герой чаще всего рубаха-парень, в последние годы стал особенно убедителен в ролях интеллигентов, людей науки или искусства. Причем первые, как кораблестроитель Озаровский в пьесе А. Штейна «Ночью без звезд», отмечены артистизмом и чисто художнической ранимостью, вторые, как превосходно сыгранный мастер кукол Балясников («Сказки старого Арбата» А. Арбузова), сочетают с богемной повадкой строгую дисциплину ума, нравственную требовательность к себе и людям. В том же ряду стоит Экзюпери, с которого все началось,— ибо как раз на уровне Экзюпери и Устименко вступил Горбачев в свою многообещающую «вторую фазу».

А еще есть в «послужном списке» Горбачева герои, которые и в самом деле являются героями финала. Ибо только к финалу становится ясно, что с компромиссом, которому они отдали ту или иную дань, покончено навсегда. Горбачев радостно подстерегает в них этот момент искупления, этот рывок к новому качеству личности. Подобное превращение пережили некогда Ведерников и Бакланов, а ныне переживает преуспевающий служащий Максимович («Час пик» польского писателя Е. Ставинского), который, по мысли актера, от себя ушел и в конце концов вернулся к себе, распростившись с убогими преимуществами обывательского существования.

В газетной статье всего не скажешь. Но как не сказать об удивительной эмоциональной щедрости Горбачева-артиста, о том, что у него, пользуясь выражением великого Щепкина, «поет сердце» в кульминационных моментах роли. О его равнодушии к неузнаваемости на сцене (сыграть бы спектакль без гримов и костюмов, без декораций и мизансцен, мечтает он, а взамен дать только одно: неукоснительную правду жизни человеческого духа!) и о том, как, пренебрегая, по видимости, внешней техникой, он все же отлично ею владеет. Наконец, о глубоко личностном подходе к творчеству, побуждающем Горбачева, рассказывая о героях, рассказывать и о себе, и делающем лучших из них демократичными и открытыми, наделенными живым юмором и дружески расположенными к людям.

А в общем приходится признать, что в каком-то смысле Горбачев, действительно, родился в сорочке. Ибо что это, как не счастье актера, чувствовать, что ты нашел себя, что твое искусство помогает людям верить в добро и самих их делает добрее, лучше? Что это, как не счастье, играть каждый день, чертовски уставать от перегрузок, ненасытно желать еще большей ноши и каждое утро спешить в театр с его раздробленным и чуть беспорядочным бытом, с его устойчивыми творческими радостями.

Фото Д. Мовшина.

108